

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

БОТАНИК

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Ботаник / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-162167-4

Главный герой — бывший ликвидатор КГБ, вышедший на пенсию, умирая, попадает в тело пятнадцатилетнего парня, младшего (и нелюбимого) сына главы иномирного клана. Парнишка ботаник, которому милее книги и который не желает слышать звон клинков и хрип умирающих. Увы, его сознание умирает после падения с лестницы в старой библиотеке, оставив тело и знания семидесятилетнему земному убийце.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-162167-4

Пролог

Торопиться некуда. Апрель — тепло, солнце! Хорошо!

Дома меня никто не ждет, ни жены, ни детей... никого нет. Хоть сутками напролет гуляй. Или вообще исчезни — никто не поинтересуется, где ты и что с тобой. Кроме электросетей и газовой компании — но им от тебя нужны только деньги, совсем не ты.

Ною? Ничуть. Констатирую факт. За свою долгую жизнь я хоронил товарищей, сослуживцев, просто знакомых и прекрасно понимаю, насколько скоротечна наша жизнь и как слабы мы перед Провидением. Грех жаловаться! Мне семьдесят лет, но я бодр, прекрасно себя чувствую — в отличие от многих и многих гораздо более молодых мужчин и женщин. Каждый день подолгу гуляю, да и гантели мои не залеживаются. И в спортзал хожу — тренажеры, боксерский мешок, все, как полагается. И любовница есть — даже две. Одной двадцать лет, другой тридцать пять. Я всегда отличался даже, можно сказать, излишним содержанием тестостерона, хотя и умел его «держат в узде». Не смешивал службу и развлечения. Хотя и не упускал случая покувыркаться с понравившейся мне женщиной.

А семьи не нашёл. Вначале это мешало работе — нелегал, который постоянно ходит по лезвию ножа, — какая ему семья? Семья — это потом, когда выйдешь в тираж, когда получишь свою законную пенсию. Или когда тебя выпрут в народное хозяйство — так у нас это называлось.

Кем я служил? Трудно так сразу сказать... чистильщик? Наверное, так. Кто-то ведь должен подчищать дерьмо за облажавшимися коллегами. И кто-то должен делать то, что делал я.

Нет, не только убивать — хотя это очень важная составляющая моей работы. Уметь устранить негодяя всеми возможными и доступными методами — этому учат в Академии (как мы ее называли) в первую очередь. Но еще — ты должен соображать, должен уметь разобраться с ситуацией и, если возможно, — не допустить смертей. Ну а если другого выхода нет...

С кем можно сравнить? Если только с ниндзя, но вообще-то эти самые ниндзя — киношная сказка. Мы не умеем летать, не умеем колдовать. Но убивать умеем не хуже, чем эти самые голливудские киношные парни.

Когда к власти пришел мерзавец, помеченный каиновой печатью на башке, первое, что он сделал — это отдал приказ Бакатину уничтожить КГБ, и вместе с ним — силовые структуры ПГУ (Первое главное управление КГБ СССР, занималось внешней разведкой), справедливо полагая, что основная опасность для него исходит именно оттуда. Он верно сделал. Если бы нам отдали приказ убрать этого болтуна, он прожил бы не больше недели. Смерть от остановки сердца или от почечной недостаточности — и никаких следов. Органические яды,

в которых мы разбираемся более чем достаточно, разлагаются в организме за считанные минуты, не оставляя после себя ни малейшего следа — если не знать, как и что искать. Но такого приказа не было. А мы не убивали без приказа — если только не спасали свою или чужую жизнь.

Мне было сорок два года, когда меня сократили, как и многих армейских офицеров. Я проходил по третьему уровню биографии — по самой первой версии числился полковником строительных войск. По второму уровню — специалист-силовик в ведомстве КГБ. Третий уровень, до которого не добрались агенты Бакатина и материалы которого хранились в недрах ПГУ — настоящая фамилия и все сведения обо мне, начиная с места рождения и настоящего имени и заканчивая местом проживания, привычками и склонностями. Слава богу, эти документы были уничтожены моим непосредственным руководителем, начальником отдела генералом Ивашовым. С которым я потом сотрудничал долгие годы.

Выбросили меня в народное хозяйство, как жестокие хозяева несчастного пса. Жри что хочешь, живи как хочешь. Небольшая пенсия, годная только для того, чтобы оплатить коммунальные услуги, и более ничего. Если бы я и вправду был этим самым полковником из стройбата, туго бы мне пришлось. Но специалист моего уровня всегда найдет себе работу. Начались лихие девяностые, когда создавались и терялись огромные состояния, когда люди решали свои проблемы, не обращаясь к правоохранительным органам, потому что не было ни права, ни этих самых органов, разложенных, развращенных шальными деньгами и тупостью власть

имущих. Бандитизм, право сильного, деньги, которые решают все.

Да и кроме того — у меня имелись накопления, и очень даже неплохие. Двадцать лет в службе внешней разведки — часть денег шла на банковский счет, и не только в рублях. А кроме того... я знал местонахождение нескольких тайников, которые закладывались еще в советское время на случай войны и оккупации территорий. В этих тайниках было все, что нужно диверсанту и нелегалу — начиная с оружия и взрывчатки и заканчивая золотыми изделиями и валютой многих стран. Кольца, перстни, золотые монеты — все, что можно легко и безопасно продать, все это имелось в закладках, и я знал расположение восьми из них. И мог воспользоваться содержимым в любой момент. И пользовался.

А потом на меня вышел генерал Ивашов. Бывший генерал Ивашов. Он нашел меня, хотя я и спрятался в провинциальном городе, оборвав все свои связи. Нашел и предложил мне работу по профилю. Нет, не просто киллером, который устраняет всех, за кого хорошо проплатили. Насколько я понял, организация, которую создал Ивашов, была чем-то вроде небольшой военной компании — полугосударственной, участвующей. Он принимал заказы и от частных, и от государственных структур, которые не хотели засветиться. Государственные структуры хотели избавиться от некоторых вредных личностей, прячущихся за рубежом, а еще — уничтожить особо зарвавшихся уголовных авторитетов, совсем уже потерявших берега. Этих убирали и в СНГ, и там, где их достигнут — мочили по сортам.

Тут и чеченские войны подоспели... работы было — море! И оплачивалась она не в пример выгоднее, чем тогда, когда я служил государству, будучи бравым полковником.

Что касается частников — тут был вообще океан работы. Начиная с устранения тех же зарвавшихся бандюганов, желавших выпить кровь у добропорядочного бизнесмена, способного заплатить за наши услуги, и заканчивая возвращением заложников, украденных чеченскими бандитами, требующими выкупа.

По-настоящему я «вышел на пенсию» уже на седьмом десятке. Просто надоело. На кой черт мне рисковать, если денег у меня столько, что я их за всю оставшуюся жизнь не потрачу? Да и две дырки в организме плюс три ножевых ранения доказали мне, что с годами реакция не становится лучше. После того, как отлежал в зарубежной клинике битый месяц, решил: все! Завязываю! О чем и сообщил Ивашову.

Генерал слегка расстроился, но только слегка. Явно он уже ожидал чего-то подобного. И в самом деле — сколько можно? До самой смерти валить этих подлецов? Нет, так не бывает. Сколько веревочке ни виться... очень уж не хочется помереть раньше времени или закончить свою жизнь где-нибудь на зоне. Что, впрочем, равносильно преждевременной смерти. Скорее всего, с зоны я уже не вернусь.

Вот и живу — тихо, спокойно... езжу на рыбалку, купил себе лодочку с мотором, домик в пригороде... Джип, чтобы таскать прицеп. Живу — насколько меня хватит. Полюбил сельскую жизнь — неожиданно для себя увлекся садоводством. Навыписывал

фруктовых деревьев, насажал — сливы, груши разных видов! Учусь прививать, учусь... созидать. Хватит только уничтожать! Теперь — только хорошее, только позитив!

Читаю книжки — все больше фантастику, в прошлой жизни мне было не до книжек. А теперь — как прорвало, глотаю одну за другой. Хорошо! Только иногда будто под ложечкой сосет — адреналина не хватает, что ли? Или неистребимое чувство справедливости говорит: «Вот взять бы да свернуть башку этому толстомордому политикану! Чтобы, сука, думал, что говорит!» Жалко, что чистильщик не имеет права по своему пониманию убирать человеческий мусор — иначе он долго не проживет.

— Уйдите! Отстаньте от меня! — услышал девичий голос. Поморщился — вот этого только не хватало! Такой ясный апрельский день, солнце, все тает — и какие-то суки портят настроение окружающим!

Тут рюмочная, которую недавно открыл какой-то непонятно откуда вынырнувший кавказец. Крутят шаурму, продают спиртное в розлив — сомневаюсь, что имеет лицензию на торговлю разливной бормотухой. Как следствие — у шинка начали кучковаться сомнительные личности, ну как мухи на дерьмо летят! Ну а где собирается такое быдло — жди неприятностей.

Вздыхнул еще раз и пошел на звуки сражения. Заглянул за угол кирпичного строения и тут же уткнулся взглядом в спины пятерых парней, примерно шестнадцати-двадцати лет от роду. Как их там называют — ауешники? Мода такая пошла, парни невеликого ума вдруг ударились в уголовную «ро-

мантику». Не знаю, что там такого романтического в сидении на нарах в камере, где воняет потом, немытыми носками и застарелым табачным дымом (было, да...), но вот же — нашлись, так сказать, адепты этого идиотизма! Одни дебилы ходят с белыми ленточками и вздохом вопят за своего лидера Сисяндра, другие ботают по фене и мечтают усесться на нары. И что вот с такими идиотами делать? Жизнь научит? Да прежде чем научит, они столько наворотят, что ни один бульдозер их дерьмо не своротит!

Девчонка отчаянно отбивалась — на вид лет пятнадцать, аккуратненькая, домашняя, видно, что никаким боком не относится к этой компании. Но сражалась отчаянно — пыталась врезать ногой старшему, самому высокому из гоп-компании, прыщавому рыжему юнцу. Отбивала руки другого, который пытался задрать ей юбку. Глаза голубые, яркие, как весеннее небо. Хороша! Эх, где мои пятнадцать лет? Когда-то целовался я с такой девчонкой... встретил ее через двадцать лет. Она шла, держа за руку двух таких же яркоглазых и румяных девчонок, девчонки хохотали, и глаза их сверкали, как бриллианты. И так мне тогда стало горько! Ведь она могла быть моей! А эти девчонки — моими дочерьми. Но не сложилось. Я ушел в армию, и... так из нее и не вернулся.

— Эй, парни, отвалите! — скомандовал я, очень надеясь, что обойдется без мордобоя.

— Чеооо?! — Старший повернулся ко мне, остальные продолжили удерживать девчонку. — Старый, свали отсюда! А то обижу! Я так-то стариков не трогаю, но ты, в натуре, оборзел! Считаю до трех! Не свалишь, шчас башку разобью, старый пень!

— Я сказал — отвалите от девчонки! — продолжаю я спокойно, расслабляясь, как всегда перед боем. В голове спокойно, мысли улеглись по своим местам, не мешая рефлексам заниматься тем, чем им положено заниматься.

— Ну, ты достал! — Парень шагает ко мне, в его руке блеснул длинный узкий клинок. Ну ни хрена себе оборзели эти ауешники, или кто они там! С ножом! На деда!

Замахивается, бьет коротко и даже умело, целясь в печень. Блокирую удар, бью сам, целясь в гортань костяшками подогнутых к ладони пальцев. Само собой — попадаю, этот удар отработан просто до уровня инстинкта. Парень хрипит, ушибленная гортань не дает дышать. Мог бы и убить, но зачем мне труп? Парень падает, и тогда остальные четверо бросаются на меня. У двоих ножи, у их «коллег» — телескопические дубинки.

Все как в тумане. Не тот я уже, черт подери, не тот! И в лучшие годы пятеро отморозков с ножами и дубинками — это было бы тяжело, но сейчас, после ранений, в семьдесят лет?! Перебиваю переносицу одному, тому, что с дубинкой и уже замахнулся.

Блокирую удар ножа второго, бью ему в висок что есть силы, чтобы не встал... третий получает удар в солнечное сплетение — прямой ногой. И тут же чувствую резкую жгучую боль в груди. Все. Попался! Конец. Но прежде...

Ломаю руку, которая держит заточку, подтягиваю к себе ублюдка и одним движением ломаю ему шею. Тут же уклоняюсь от удара дубинкой последнего оставшегося на ногах отморозка, бью в гортань и тоже сворачиваю шею негодяю.

Первый, которого я ударил в гортань, шевелится на земле, и в моем затухающем сознании вспыхивает яркая мысль: «Я сдохну, а ты будешь жить?! Не бывать этому!» Пошатнувшись, шагаю к парню и ударом каблука ломаю ему шею. Со вторым, что получил удар в живот, продельваю то же самое — мне теперь все равно. Все, вот теперь можно уходить. Теперь — все. Вышел на пенсию, называется.

В последний раз посмотрел на яркую наборную рукоять, торчащую из груди, и... начинаю уплывать. Сердце, рассеченное заточенным до остроты иглы металлом, затрепетало в последний раз, как мотылек, сгорающий в пламени свечи, и остановилось.

Нет — никакой киноленты с моей жизнью не промелькнуло перед моими глазами. Глупости это все, я знаю. Последней мыслью было: «Все, пи...ц!». И я умер.

* * *

Девчонка, которая замороженно смотрела на происходящее, наконец очнулась и завизжала. Визжала она долго, зажимая уши и закрыв глаза, но на ее визг никто не пришел — как и раньше, когда грязные пальцы подонков шарили у нее в трусиках. Никто — кроме этого незаметного худощавого старика, лежащего теперь у ее ног.

Она дрожащими руками достала из сумочки смартфон, с трудом набрала номер полиции и несколько минут срывающимся дрожащим голосом рассказывала о том, что здесь произошло. У нее был порыв убежать, забыть все как дурной сон, но,

посмотрев на старика, она отбросила эту идею. Это будет как-то... неправильно. Она должна рассказать людям, что здесь случилось и как погиб этот человек.

Скоро на пяточке за магазином стало тесно от набежавших, наехавших полицейских. Оперативнику, который прибыл на место вместе с криминалистом и прокурорским следователем, пришлось даже наорать на участкового и патрульных полицейских, норотивших затоптать место происшествия.

Потом начали скапливаться любопытные — алкашня, работники магазина и просто случайные прохожие. Откуда-то, как воронье на падаль, прилетели и репортеры. Все снимали на телефоны, вытягивая шеи, вставая на цыпочки, будто это могло помочь им как следует все рассмотреть.

Девчонка рассказала о том, как все случилось. Опер недоверчиво мотал головой — старик голыми руками убил пятерых отморожков, каждый из которых выше его минимум на полголовы?! Головы им свернул?! Что это за терминатор в «Аляске»?!

Посмотрел документы. Военный пенсионер Фролов Максим Леонидович. Бывший полковник. М-да... настоящий полковник! Уработал пятерых, да еще и самого последнего — уже фактически будучи мертвым. Силен, дед! Жаль... уходит старая гвардия, теперь таких не делают. Железные люди!

Посмотрел его смартфон... никаких записей в контактах. Кроме одной: «Игошин». Позвонил, представился, рассказал о происшедшем. На той стороне трубки хрипловатый мужской голос бесстрастно сказал: «Информацию принял». И отключился. Больше этот номер не отвечал — «Абонент недоступен».

На следующий день в УВД появился скромно, но явно очень дорого (если присмотреться и понимать) одетый седовласый человек, представившийся Игошиным Константином Петровичем. Он предоставил следователю, ведущему дело об массовом убийстве на улице Продольной, документ, в котором было указано, что ныне покойный Фролов доверяет Игошину распоряжение его имуществом и его телом — так, как Игошину заблагорассудится. Игошин пожелал сразу же забрать тело для погребения, но следователь воспротивился — это ведь не по закону. Игошин ушел. А через час следователю позвонили с самого верха те, кому он никогда и ни за что не мог отказать. Тело Фролова забрали, но следователь в общем-то и не расстроился — вскрытие было уже проведено, да и так все было предельно ясно. По крайней мере — для следствия.

А на следующий день было написано отказное за смертью всех фигурантов. Следователю было любопытно, кем же был этот таинственный Фролов, который сумел расправиться с бандой отморозков, длительное время терроризировавших весь микрорайон, но он понимал, что лучше не совать свой нос туда, где его быстро прищемят. Вспомнить только звонок сверху. И он не сунул. Дело было закрыто.

Фролова похоронили на местном кладбище, поставили крест, ведь он все-таки был православным, хотя и никаким не Фроловым. Вероятно, этот человек уже и сам забыл, какое имя ему дали при рождении. Но это все неважно. Он был одним из тех немногих, кому генерал Игошин доверял так же, как и себе самому. И потому он должен был отдать